

Пхухская ветвь рода Лу передавала должности из поколения в поколение, а их семейное древо уходило корнями в эпохи Суй и Тан, насчитывая уже шесть веков истории. Как ни крути, он всё же был порядочным человеком, да и всякий посторонний мусор в голове давно пора было вымести начисто.

Успокоив мысли, господин Лу прошёл мимо до боли знакомой жаровни с уткой и невольно замедлил шаги.

Господин Лу снова пожаловал! И в этот раз снова возьмёте целую утку? — приветливо окликнул его слуга.

Лу Бин остановился, опустил взгляд и задумался.

Позавчера они уже ели утку, а если притащить её во дворец сегодня, боюсь, императору уже сделается дурно от этого жира.

— Не нужно.

Но если в усадьбу возвращаться с пустыми руками, это выглядело как-то совсем некстати.

Господин Лу бросил взгляд по сторонам и внезапно заметил на противоположной стороне улицы торговца леденцами на палочке.

Хуан Цзинь дремал в боковом зале, но при звуке шагов мгновенно встрепенулся. Увидев, что господин Лу принёс целую связку танхулу, евнух поспешно расплылся в угодливой улыбке.

Лу Бин лишь легонько кивнул, даже не став записываться у стражи в ожидании аудиенции, и прямо прошёл внутрь.

Сейчас стояли весенние каникулы, да к тому же император демонстративно изображал недомогание, так что внутри никак не мог находиться ни один из высших сановников для обсуждения государственных дел.

В таком визите не было ничего предосудительного.

Не успел он пройти и пару шагов, как до него донёсся щебечущий голосок Ю Цуна, болтавшего с Хэну.

Они сидели, обхватив руками по матерчатой подушке, соприкасаясь лбами, и о чём-то оживленно шептались.

Лу Бин едва заметно нахмурился, но всё же шагнул вперёд, продолжая сжимать в руке палочку со сладостями.

Ю Цун как раз катал на ладони семена кассии, но, подняв голову и увидев, что А-Пан пожаловал со сладким угощением, тут же отбросил их в сторону и подался навстречу:

— Только что сделали?

Лу Бин чуть кивнул, протягивая ему танхулу, и, немного подумав, произнёс:

— Специально наказал старому мастеру вытянуть сахарные нити подлиннее.

Хотя Ю Цун понятия не имел, что за зверь такой эти сахарные нити, но, заметив на связке боярышника длинные и ярко блестящие леденцовые пластины, сразу сообразил, о чём речь, и тут же вгрызся в лакомство.

Хрусь!

После звонкого хруста последовало звучное чавканье — Ю Цун одновременно морщился от кислого вкуса боярышника так, что глаза закатывались, и в то же время усердно кивал, с чувством заявляя:

— А любовь твоя министерская, Лу Цин, прекрасно понимает чаяния Сиятельства.

Услышав хрумканье, с которым император уплетает сахарные нити, Хэну тоже подполз ближе и, прильнув к его плечу, капризно протянул:

— А вкусно?

Ю Цун бросил на него взгляд и сразу понял, что этот проглот тоже слюнки пускает. Весьма великодушно протянув ему палочку, он позволил тому вытянуть шею и сжевать одну ягодку. Оба они примостились рядом с Лу Бином и принялись в четыре рта смачно пережевывать шарики в глазури.

В университетском общежитии в былые времена любое угощение было общим: случалось, что один початок кукурузы передавали по кругу, и каждый успевал откусить по кусочку.

Ю Цун давно привык к подобным вольностям, но когда Лу Бин заметил, как Хэну снова придвинулся ближе, да ещё и полулёг рядом с императором, в его голове вдруг всплыло одно крайне отчётливое словечко.

Маленькая бесстыдная сучка.

Заметив, что выражение лица у Лу Бина какое-то странное, Ю Цун с любопытством поинтересовался:

— А как эти сахарные нити делают так, что они на скаку не осыпаются?

Лу Бин никак не ожидал, что тот станет интересоваться подобными деталями, и, помолчав пару мгновений, честно признался:

— Пешком шёл.

Ю Цун опешил, а затем вдруг сунул палочку в руки Хэну и обеими ладонями накрыл уши Лу Бина.

Да они же от холода вот-вот отвалятся, великий ты болван!

Лу Бин никак не ожидал от императора столь резкого выпада и на мгновение полностью потерялся.

— Неужели трудно было коробочку взять? На худой конец, не покупал бы! Вернулся бы — сходил со мной куда-нибудь поесть, делов-то! — возмущённо отчитывал его Ю Цун, любовно согревая ладонями его заледеневшие уши. — Не обеднеем без этой еды!

Лу Бин совершенно не слушал, что именно выговаривает ему император. Он осознавал лишь одно: Ю Цун стоял перед ним на цыпочках, и даже его слабое дыхание едва уловимо касалось его лица.

В этот миг они находились так близко — ближе некуда.

Ему безумно хотелось протянуть руки и заключить его в крепкие объятия, но он не смел дать волю этому внезапному порыву.

Наблюдая за тем, как император скачет вокруг и отчитывает господина Лу, Хэну исподтишка вытянул шею, сгрёб зубами еще один шарик боярышника и продолжил исподтишка воровать сладости.

Чав-чав-чав...

— Жуй помедленнее! Всё, что останется, будет моим! — повернувшись к нему, пригрозил Ю Цун. — Будешь баловаться — отдам в котелок с хого!

Хэну послушно перехватил палочку поудобнее, опустил голову и доел оставшуюся половинку ягодки, после чего слизал застрявшие на тыльной стороне ладони сахарные крошки.

Сам по себе Ю Цун человек был незлобивый и простодушный, а потому даже не замечал, что в последнее время их отношения с господином Лу становятся всё более двусмысленными. Он просто взял того за руку и силой усадил у жаровни, продолжая доедать оставшиеся танхулу и рассеянно перебирая разбросанные по циновке мягкие подушки.

Мы с Хэну тут подумали: эти нефритовые и деревянные подушки для сна жутко жесткие, — Ю Цун вытащил наружу сшитую Хэну мягкую подушечку с семенами кассии и без затей сунул её в руки Лу Бину. — Такая подушка из лекарственных трав и зрение проясняет, и разум освежает, да и шее под неё лежать удобно. Заберёшь одну себе?

Глядя на протянутую руку, Лу Бин внезапно вспыхнул.

Ю Цун никак не ожидал, что лицо господина Лу способно так стремительно покраснеть, и озадаченно моргнул:

— Ч-что... что случилось?

Хэну, свернувшись калачиком словно котёнок, лениво протянул:

— Ваше Величество, такие подушки кому попало дарить нельзя.

Ю Цун знал лишь о дурных приметах вроде дарения зонтов или часов, но никогда прежде не слышал о каких-либо запретах, связанных с подушками. Подняв глаза на Лу Бина, он с удивлением заметил на лице того явное смущение.

— А что не так с подушкой? — продолжая сжимать в руке круглый предмет, ошарашенно переспросил он. — Серьёзно, дарить нельзя?

Хэну прыснул со смеху, неторопливо поднялся и произнёс:

— Ваше Величество, ваш скромный слуга пока вернётся в Западный тёплый павильон, не смею дольше докучать.

Не дожидаясь дозволения Ю Цуна, он грациозно сошёл с возвышения и, сделав пару шагов, добавил:

— В народе ходит книга под названием «Аромат и красота страны». Если Вашему Величеству выдастся свободная минутка, можете попросить господина Лу купить её почитать.

Услышав это название, Лу Бин изменился в лице и бросил на наглеца свирепый взгляд.

Хэну лукаво подмигнул ему в ответ и плавной походкой удалился.

— А что за «Аромат и красота страны»? — прижимая к груди подушку, Ю Цун чувствовал, что вновь превращается в сплошной комок любопытства. — И почему это подушку дарить нельзя?

Лу Бин повернулся к нему с выражением вселенской обречённости на лице.

Ваше Величество уже вырастили четырёх сыновей, но до сих пор остаются столь же простодушными и наивными, словно никогда не ведали плотских утех.

Хотя сам Ю Цун прекрасно понимал свою сексуальную ориентацию, в прошлой жизни его романы ограничивались лишь робкими держаниями за ручки, и на практике вкусить всех прелестей любви ему ещё не довелось, а потому он искренне не врубался, какое отношение подушка имеет ко всему этому.

— Ваше Величество, не слушайте его глупые шутки... — тяжело вздохнув, Лу Бин попытался сменить тему: — На праздник Юаньсяо, пятнадцатого числа первого месяца, везде будет невероятно оживленно, будут повсюду выставлять фонари.

Глаза Ю Цуна вновь засияли, и он с улыбкой закивал:

— Обязательно возьми меня с собой!

Припомнив что-то своё, Лу Бин заговорил вновь:

— Нефритовая подушка в опочивальне... Это та самая, на которой я привык спать в детстве, а вы силой отобрали её у меня и привезли с собой в столицу... Если она больше не приходится вам по нраву, позвольте мне забрать её обратно.

Император никак не ожидал, что за этой вещью тянется целый шлейф подобных воспоминаний, и решительно покачал головой:

— Ни за что не отдам!

Господин Лу со сложным выражением лица смотрел на Ю Цуна, который тет-а-тет вёл себя всё больше как ребёнок, но на сердце у него при этом разливалось мягкое тепло.

Позволять себе баловать его по-прежнему — пожалуй, тоже неплохо.

Как только миновал первый лунный месяц и завершились долгие праздники, все отложенные дела вновь вошли в привычное русло и закрутились с прежней силой.

Ван Шоужэнь за месяц с лишним накопил достаточно сил и бодрости духа. Теперь он выглядел куда свежее и лично наведаясь в Палату классических текстов, быстро перезнакомившись со всеми новыми сослуживцами.

Янь Шэнь по-прежнему затворничал в своём особняке, почти не показываясь на людях.

Что же до самого императора, то тот носился по дворцу словно угорелый — разве что верхом на муле не ездил.

Он уже давно вынашивал план обустроить как минимум три больших конференц-зала и целую россыпь малых.

Прежние сыны Неба обитали в глубоких дворцовых покоях, ведя затворнический образ жизни благородных девиц, чьих ног не касалась земля за пределами внутренних покоев.

Но если хочешь вершить великие дела, нельзя полагаться исключительно на чрезмерно ритуализированные утренние доклады. Когда всё встанет на свои рельсы, эти утренние аудиенции всё равно придётся рано или поздно отменить.

Современную площадь Тяньаньмэнь привели в идеальный порядок, установив в самом её центре памятник дедушке Мао.

В древности же имелась лишь длинная и широкая дорога, впрочем, отдаленно напоминавшая просторную площадь.

По обе стороны этой площади располагались всевозможные ведомства.

Новоиспеченная Палата классических текстов заняла резиденцию прежнего князя южнее Переулка Сицзянми. Император расщедрился на щедрое выходное пособие, велел старому князю подыскать себе другое жильё.

Ознакомившись с чертежами, он решил выделить участок неподалёку от переулочка Цзофу в Старом городе, чтобы сперва обустроить там главный просторный зал для совещаний.

Зал этот не нуждался в капитальном ремонте или перестройке: достаточно было выгрести из старых помещений всякий хлам и составить вместе несколько длинных столов со стульями.

Отныне и сам он намеревался регулярно бывать здесь. Лу Бин уже неоднократно направлял сюда усиленные караулы и лично инспектировал каждый пропускной пункт поблизости, дабы

гарантировать отсутствие любых непредвиденных происшествий.

Первым планом наступившего года стало составление книг.

Из той тысячи с лишним человек, что сократили в Ведомстве императорских трапез, более восьмисот уже обучились грамоте и научились писать — этого вполне хватало для нужд Императорской академии.

Требовалось составлять не только трактаты по сельскому хозяйству, но и книги по инженерному делу и медицине.

Собрав воедино эти труды, государство должно было задействовать все ресурсы для их массовой печати и широкого распространения, запустив первую трёхлетнюю программу образовательной реформы.

Он намеревался искоренить эти напыщенные и бесполезные восьмичленниковые сочинения, внедрив систему трёх экзаменационных направлений, чтобы свежая кровь из всех провинций Великой Мин нескончаемым потоком устремлялась в столицу.

Как только в этом году наладятся дела с сельским хозяйством, он планировал выделить средства на расселение всех частных дворов вдоль рек к востоку и западу от Чжэньянмэнь, чтобы возвести там три высших учебных заведения и приложить все силы к тому, чтобы догнать и перегнать Британию с Америкой.

— Ой, то есть погодите, сейчас же 15XX год по григорианскому календарю, неужели Америка вообще уже основана?

Вряд ли «Мейфлауэр» к этому моменту даже успели построить.

Ю Цун размышлял об этом на протяжении всех весенних каникул, прорабатывая каждый шаг и по несколько раз переглядывая карту всей страны перед сном.

Всё было готово, не хватало лишь показательной казни какой-нибудь мартышки, чтобы припугнуть всю эту братию, привыкшую выступать против абсолютно любых инициатив.

Стоило только закаменевшим схоластам осознать, что отныне ветер подул совсем иначе и пустые морализаторские описи больше не помогут им возвыситься, как они тут же повывалялись наружу и начнут бесконечно нудеть и пререкаться.

И пусть вокруг пока стояла тишина, именно эта тишина и была главной проблемой.

Не могли же все поголовно быть с ним согласны — просто они страшно боялись оказаться

выволоченными за ворота подручными господина Лу и забитыми до смерти, а потому отмалчивались, шушукаясь по углам.

Будучи императором, он мог бы силой приказать развернуть грандиозное дворцовое строительство или прорыть каналы, но всё это обернулось бы лишь изнурением Поднебесной и истощением сил простого народа.

Для продвижения же новой политики и свежих идей требовалось заставить их подчиниться искренне, заставить их от всего сердца трудиться на благо дела.

К тому же, раз уж любое начинание даётся с боем, почему бы не выбрать самую сложную задачу и не расправиться с ней в первую очередь?

Будучи человеком современным, он должен был задействовать всю мощь своей логики, весь арсенал современного аналитического мышления и умение проводить параллели, дабы приручить этих старых законников, осиливших разве что Четверокнижие и Пятикнижие.

В этом и заключался истинный смысл существования университета.

Суть современного образования во многом является квинтэссенцией мудрости, накопленной человечеством за тысячелетия.

И лишь двигаясь вперёд с таким ясным и отчётливым видением, можно было одолеть этот путь шаг за шагом.

Ю Цун не боялся числа своих противников — его страшила лишь возможность того, что все эти сановники, и стар и млад, объединятся в единый фронт и устроят очередное показательное самоубийство с петициями у ворот Вэньхуамень.

Будь это в его родные времена, спусти сверху какой-нибудь список духовных ценностей — и даже детсадовцы заставили бы вызубрить его наизусть...

Проведение собраний было неизбежно.

Как и показательная казнь курицы.

Созерцая светлый и просторный большой конференц-зал, император отчетливо слышал, как в его душе лязгает гильотина.

Теперь оставалось лишь дожидаться какого-нибудь безмозглого глупца, который добровольно подставит голову под удар.

Ожидая в боковом зале, Чжан Цун испытывал целую бурю самых противоречивых чувств.

В прошлые годы, когда августейший сын был еще совсем мал, стоило лишь немного польстить ему медовыми речами, как удавалось полностью подчинить его волю своим интересам.

Но теперь, стоило минут всего пятилетию, он отчётливо чувствовал: всё стало совсем не так просто, как прежде.

Хотя во дворец регулярно поставляли тщательно отобранных мальчиков-наложников, от них не удавалось добиться ни единой весточки — все шпионы, с таким трудом внедрённые в своё время вглубь дворца, были вычищены подчистую, да и сам Хуан Цзинь стал каким-то чужим, наотрез отказываясь вести с ним прежние пустые разговоры.

Тем не менее он понимал: стоит ему хоть на миг опустить руки, как соперники тут же сметут его с дороги, наступая на его труп ради борьбы за и без того скудное императорское благоволение.

Пока он предавался раздумьям, евнух Хуан внезапно вернулся из покоев и знаком велел ему входить.

Погруженный в стопки бумаг император даже не поднял головы:

— Сколько еще продлится конфискация поместий?

Чжан Цун изначально собирался устроить допрос по поводу Сюй Цзе, но никак не ожидал получить удар наотмашь. Запнувшись на секунду, он выдавил из себя:

— Работы еще продолжаются...

— Продолжаются? — Ю Цун небрежно поставил резолюцию на очередном меморандуме, потянулся за новой тетрадью и по-прежнему не поднимая глаз произнес: — Иными словами, ни чёткого плана, ни направления нет, а объём возвращенных земель всецело зависит от слепой удачи?

Тон его был ровным и неторопливым, словно он справлялся о погоде.

Движения Чжан Цуна замерли, и он рухнул на колени:

— Ваш старый слуга...

— Видимо, господин Чжан и впрямь состарился, раз подобные поручения стали ему не по

силам, — Ю Цун небрежно обмакнул кисть в тушь и вывел строку пометок: — Быть может, перевести вас обратно в Либу, освободив от любых дел, связанных с Палатой классических текстов? Как вам такое?

Конечно, говорилось это лишь ради устрашения.

Прежде возвращение захваченных поместий из-за нечёткого разграничения обязанностей ведомств действительно ложилось на плечи Министерства ритуалов.

Но с учреждением Палаты классических текстов ситуация вышла из-под любого контроля Чжан Цуна.

Должность главы Либу, о которой предварительно шёл разговор, ускользнула от Янь Шэня и досталась Ван Шоужэню.

Его собственные без того огромные полномочия незаметно сжались до предела, а теперь явно маячила перспектива лишиться и остатков влияния.

— Ваше Величество! — не позволив императору продолжать гнуть свою линию, Чжан Цун повысил голос: — Ваш верный слуга преданно несёт службу и не позволил себе пренебречь ни единой мелочью!

— Вот как? — Ю Цун захлопнул папку с докладами и неторопливо поднял на него взгляд: — До меня дошли слухи, что с тех пор, как господин Сюй получил чин левого вице-министра третьего ранга, при дворе поднялся изрядный шум.

Именно против этого назначения Чжан Цун и собирался возражать — даже если бы император был против, он намеревался сделать всё возможное для его отставки.

Сюй Цзе был человеком с гнильцой и характером бунтаря, который в будущем наверняка отказался бы угодничать перед ним. Присутствие такого человека в ведомстве грозило в любой момент развалить ту сплочённую группу соратников, которую он с таким трудом сколотил и прибрал к рукам.

— Ваше Величество, всё именно так. Сюй Цзе находится на чиновничьей службе всего пять лет, к тому же сопляк ещё зелен, а в прошлом позволял себе излишне дерзкие речи. По мнению вашего старого слуги... — склонившись до земли, Чжан Цун вновь принялся разыгрывать карту преклонных лет.

— Старого слуги? — Ю Цун неспешно посмаковал это словосочетание и вдруг рассмеялся: — Если мне не изменяет память, когда я взошёл на престол и объявил всеобщую амнистию, господин Чжан лишь сдал экзамен цзиньши и попал во дворец в возрасте сорока семи лет?

Если мерить чиновничий стаж, то ты, старик, выбившийся в люди благодаря спорам о ритуалах, по выслуге лет ничем не отличаешься от Сюй Цзе — разница всего в два года.

Услышав это, Чжан Цун вдруг понял, что нынешний император переменялся в мыслях: он больше не защищает его, напротив — отпускает колкости в ответ.

Его собственное позднее возвышение произошло лишь потому, что тогда он оказался полезен правителю, и теперь, когда нужда в нём отпала, его просто собирались выбросить за ненадобностью. В этом не было ничего удивительного.

И всё же...

— Господин Чжан, ваша преданность престолу неоспорима, как и ваши таланты, — выдав кнут, Ю Цун тут же протянул пряник, заговорив ровно и естественно: — Но стоило бы вам направить все помыслы на собственные дела и явить реальные результаты, как я непременно осыплю вас щедрыми наградами.

Старик долго переваривал услышанное, чувствуя глухое сопротивление в груди, однако животный инстинкт самосохранения подсказывал ему, что спорить дальше нельзя.

Он боялся, что излишняя болтовня лишит его последних крох тепла.

Ныне он был всесильным министром, имевшим за спиной поддержку Гуй Э, который занимал ту же министерскую должность и во всём помогал ему, а все встречные почтительно величали его не иначе как «господин Чжан».

Если бы не эта старая калоша Янь Ицин, сидевшая у него на пути, он бы, пожалуй, уже давно носил титул первого министра!

Видя, что тот утих, Ю Цун понял: старик внутренне не согласен, но пререкаться больше не смеет.

Любой чиновник отлично умел читать по лицам и прекрасно понимал, какие слова следует затолкнуть обратно в глотку, проглотив вместе с желчью.

— Чжан Цин, — медленно проговорил Ю Цун: — В своё время я пожаловал вам имя Чжан Фуцзин, дабы избежать использования моего собственного имени, а также одарил высоким жалованьем и высокими чинами, памятуя лишь о ваших заслугах.

— Смее ли вы после всего этого ответить мне правду?

Чжан Цун опешил, медленно поднял голову, и сердце его кольнуло недоброе предчувствие.

— Ваш слуга... повинуется.

— В те годы, когда вы с пеной у рта отстаивали сокращение пышности конфуцианских ритуалов, лишь один Сюй Цзе выступил против, — прищурившись, Ю Цун выжидающе глянул на него: — Вы тогда бросили ему: «Как ты смеешь предавать меня?», верно?

Император помнил дословно все споры и гневные окрики пятилетней давности!

— А Сюй Цзе тогда возразил вам: «Предательство рождается из прислуживания. Я никогда не прислуживал вам, какое же здесь предательство?»

Лицо Чжан Цун побледнело, и он осел на пол.

Вся его надменность и высокомерие в этот миг обратились в холодный пот, выступивший на спине паутиной мурашек.

Тогда государю казалось наплевать на всё происходящее, и за прошедшие годы он ни разу не возвращался к этому эпизоду. Кто бы мог подумать, что он помнит каждое слово!

Какая изощрённая выдержка!

Одной этой фразы было бы достаточно, чтобы отправить его на плаху!

— Я спрашиваю тебя, — Ю Цун медленно поднялся на ноги и посмотрел на него сверху вниз: — Сколько еще при дворе тех, кто служит не мне, а лично господину Чжану?

Только тогда, когда он сидел с Хэну над жареной уткой, до него вдруг дошло: истинным коррупционером был добившийся успеха Сюй Цзе, а вовсе не Чжан Цун.

Однако Лу Бин из-за какой-то обмолвки в прошлом действительно накопил на него гору компромата.

Чрезвычайно глубоко вздохнув, Чжан Цун глухо произнёс:

— Ваш слуга... признаёт вину.

Он больше не смел произнести ни звука — гильотина казалась уже занесённой над его шеей и готовой опуститься в любую секунду.

— Господин Чжан, ворошить прошлое бессмысленно. Куда важнее, на мой взгляд, собрать мысли воедино и всецело посвятить себя государственным делам.

Ю Цун постучал костяшками пальцев по столешнице и ровным голосом продолжил:

— Завтра я издам указ, предписывающий всем столичным землевладельцам добровольно сдать незаконные наделы. Вам же предстоит лишь заниматься их описью.

Ещё один кнут, сдобренный очередной порцией пряника.

Этого вполне хватало, чтобы держать человека в узде.

— Ваше Величество?! — Чжан Цун резко вскинул голову, не веря собственным ушам: — Разве возможно проверить подобное?!

Неужели он рассчитывает вернуть захваченные аристократией императорские земли одной лишь императорской бумажкой?

— Если вы явитесь туда со слугами, то толку действительно не будет, — Ю Цун бросил взгляд на молчаливо стоявшего в углу Лу Бина и выгнул бровь: — С завтрашнего дня господин Лу во главе отряда вооружённых стражей Цзиньивей лично будет сопровождать вас при зачистке каждого двора.

— Я даю вам месяц на то, чтобы очистить всю столицу до блеска.

Проводив Чжан Цуна, Ю Цун сцепил пальцы в замок и долго о чём-то размышлял.

Чиновники во власти воруют не ради забавы — им нужны средства, чтобы подкупать нужных людей и плести сети влияния.

И это чистая правда.

Потому и добытые Лу Бином неопровержимые улики выглядели абсолютно закономерно.

Однако...

Он прекрасно помнил, что именно этот Чжан Цун стоял у истоков всех последующих партийных распрей.

Именно он открыл ящик Пандоры бесконечных политических дрызг в эпоху Мин, хотя одновременно с тем его имя пользовалось огромным уважением как в официальной историографии, так и в народе.

И всё потому, что сколь бы ревностно Чжан Фуцзин ни расправлялся со своими политическими

противниками и инакомыслящими, он действительно очистил для простого народа бесчисленные поместья, позволив несметным толпам людей по всей Поднебесной честным трудом добывать себе кусок хлеба.

В предстоящие годы этот же самый Чжан Фуцзин развернет жестокую борьбу с казнокрадством — разумеется, к тому моменту его собственные финансовые дела будут вестись настолько безупречно, что ни у кого не возникнет и тени сомнений.

<http://bllate.org/book/20063/1984659>